

Марк СЕРМАН

О МОЕЙ МАМЕ

Руфь Зернова (Руфь Александровна Зевина) — прозаик, переводчик и журналист — начала свою карьеру с переводов. Эта была ее специальность, полученная в университете, к которой она то возвращалась, то уходила в собственную прозу, то снова возвращалась, как, в частности, с переводами мемуаров Голды Меир, Эли Визеля и "Истории русской литературы" Святополка-Мирского, сделанными в конце жизни. Ее первой ступенью на пути к собственной прозе были очерки для "Юности", "Огонька" и "Звезды", в которых уже видны черты писателя, ищущего элементы человеческого, скрытые в сером монолите советской действительности. Ее дебют — рассказ "Скорпионовы ягоды", напечатанный в "Огоньке", для многих был открытием и если не окном, а еще только форточкой, но одной из первых таких форточек во внутренний мир человека, забытый и заброшенный за долгие годы "великих свершений", воздвигнутых на костях того же человека. С момента выхода "Скорпионовых ягод" у Р. Зерновой начинается карьера писателя в Советском Союзе. Ее принимают в Союз писателей, она получает премию "Огонька" за лучший рассказ, ее печатают в "Новом мире", "Юности", ее книги переводят на языки стран т. н. "народной демократии" — немецкий, польский, чешский, словацкий; посылают во Францию с делегацией Союза писателей. Все это обрывается в момент эмиграции Р. Зерновой и ее мужа И. Сермана в Израиль, где начинается другая, "западная", часть ее жизни. За время своей жизни в Израиле Р. Зернова, издала 5 новых книг прозы, напечатанных в Америке и Израиле, и многочисленные переводы, изданные как на Западе, так и в России. Ее собственная проза переведена на многие европейские языки.

Родилась Р. Зернова (Руфь Александровна Зевина) 15 февраля 1919 года в Одессе. Квартира Зевиных того времени надолго запомнилась тем, кто там бывал. Вот как описывает их жилье подруга Руфи Александровны Е. Марголина в своих воспоминаниях "Мы, одесские девочки": "Мы с Руной родились и выросли на тихой и тенистой Кузнечной улице. Недалеко от нас располагалась Провиантская, Дегтярная и Каретный переулок — это был старый район, от которого до Дерибасовской 5 минут ходу. Руин дом был новее других, угловой, красивый. Квартира в высоком бельэтаже, высокая дверь в подъезде, несколько ступенек, передняя и большая квадратная с блестящим паркетом столовая. Много книг в шкафах. Направо гостиная с пятью окнами, одно угловое. Мягкий ковер, диваны, пианино". Заметим, что на фоне "довоенной" и быстро исчезающей роскоши запомнились шкафы с книгами. Продолжалось это благополучие недолго, так как детство Руфи пришлось на период консолидации Советской власти, выразившейся в том, что правовое и материальное состояние людей становилось все хуже и хуже. Квартира Зевиных в Одессе, на Спиридоновской, из отдельной барской квартиры со своим парадным входом превратилась после нескольких уплотнений в коммуналку.

Отец Руфи Александровны — Александр Борисович Зевин — был человеком редкого ума, нестандартного мышления и исключительного по силе, даже магического красноречия. Его разговоры с людьми, по свидетельству многих, превращались в монолог Александра Борисовича почти с самого начала. Ему принадлежат два запомнившихся многим высказывания. Одно — в мае 1940 года, когда немцы входили в Париж: "Мир спасет Советская Россия" и после паузы — "Как это ни странно". И еще одно, конца лета 1942 года: "Немцы будут остановлены под Моздоком". Это было уже в момент летнего наступления немцев. Были и другие, парадоксальные на первый взгляд и, тем не менее, безошибочные суждения, которые, как своеобразная шоковая терапия, не могли не стимулировать мышление будущей писательницы. Сам Александр Борисович был горячим патриотом России, сторонником ассимиляции евреев. В молодые годы он ушел с первого курса юридического факультета Одесского (Новороссийского) университета вольноопределяющимся на войну 1914 года, откуда вернулся после ранения. В самые тяжелые годы сталинского террора Александр Борисович читал только Толстого и Гоголя. Интересно, что его брат в эти самые годы стал убежденным сионистом и одним из пионеров — первых поселенцев Израиля. Патриотизм А.Б. Зевина не мешал ему, однако, называть Советскую власть всегда одним и тем же емким термином "эта банда!".

Мать Руфи Александровны после окончания гимназии вышла замуж и не работала до того момента, как от их изначального благо-

получия остался лишь адрес, по которому они по-прежнему проживали, но уже в качестве уплотненных жильцов. Татьяна Марковна Зевина — тоже незаурядная и артистическая личность, которой даже предлагали место актрисы в Еврейском театре, стала учительницей младших классов в 45-й школе, в которую впоследствии поступил ее внук, автор этой заметки, и проучился там всего один год — это совпало с освобождением Р.А. Зевин и ее мужа И.З. Сермана из лагеря и возвращением в Ленинград. Об этом подробно рассказано в новелле М. Сермана "Свидание" в сборнике "Руфь Зернова — четыре жизни".

Таков был фон ее юности — родители, их друзья, да и сама по себе всегда самобытная Одесса, уже тогда становившаяся источником новых литературных и музыкальных талантов, таких как Бабель и Багрицкий, Катаев, Ильф и Петров, Ойстрах и многие другие. Она возвращалась в Одессу несколько раз и много раз в прозе, в повести "Солнечная сторона", в мемуарных вещах, однако, в юности, после окончания школы, ей было понятно, что она уедет учиться в "центр". Неизменно ей было лишь то, что она осознала позже: с собой она навсегда увозила Одессу своего детства и юности; свою музыкальную Одессу: с одной стороны — Одессу Столярского и классической музыки, а с другой — частушек и шансонеток, которые пела вся страна. Вообще пение было абсолютно неотъемлемой частью образа Р. Зерновой. В ее прозе и воспоминаниях поют все, начиная от ее отца и кончая одесским сумасшедшим по прозвищу Шаляпин, исполнителем одной бесконечной высокой ноты, поют и лагерные персонажи — частушки, а люди из Одессы 20-х годов — шансонетки. Замечательно пела и играла на гитаре и она сама, и даже сделала передачу для Би-Би-Си "История Советского Союза в песне".

Вернемся к юношеской мечте Руфи о том, чтобы уехать в "центр". Это означало либо в Москву, либо в Ленинград — она выбрала Ленинград, романское отделение ленинградского филфака — тогдашнего центра формализма, где уровень преподавания определялся такими столпами науки как Гуковский, Эйхенбаум и Жирмунский. Ей повезло с учителями, да и с соучениками: Ефим Эткинд, Ахилл Левинтон, Владимир Шор, Георгий Степанов, Илья Серман — все они стали известными и влиятельными учеными, исследователями и переводчиками. Но в этот момент они были студентами, а многие — и бывшими одесситами, которые к таким же провинциалам, да и еще и девушкам, относились с недоверием, и этот барьер недоверия Руфи Зевин пришлось преодолевать довольно долго. В своей книге "Длинные тени" она называет переезд из Одессы в Ленинград "моей первой эмиграцией". Многим из нас это состояние эмигранта — внешнего или внутреннего — до боли знакомо.

Р.А. Зевина была очень сложным человеком, в котором сочетались такие несочетаемые вещи, как высокая степень разносторонней образованности и непререкаемая категоричность. Эта категоричность особенно видна в ее публицистических пассажах, "где в борьбе за правду забывается истина". В ее характере было нечто, что соседствовало с необыкновенной одаренностью и выдающимся умом, нечто, что можно было бы назвать духовной осиротелостью, как если бы она все еще была той потерянной провинциальной одесской девочкой, попавшей в большой и чужой город и нуждающейся в отчаянной защите от всего, что ей кажется опасным. Она была, с одной стороны, безусловно выдающимся человеком, а с другой — представителем своего поколения, у которого душа покрыта таким количеством шрамов, что душе очень трудно пробиться наружу. У Р. Зевин одна сторона ее души проглядывала в разговорах: они, как правило, были веселыми и оживленными. А другая — в прозе, где ее голос менялся и слышалось то, о чем она никогда не говорила: ее боль и ей одной понятные страхи, которые она так хорошо видела у других, у своих будущих героев.

"Я посмотрела, и вдруг мне почудилось, что в глубине синих эмалевых глаз ходят страхи и взмахивают хвостами, как рыбы".

Свою судьбу она старалась создать сама по плану, известному только ей самой, — и судьба ее сложилась очень непросто. С третьего курса университета она пошла добровольцем на курсы военных переводчиков с испанского, и прямо с курсов их, недоучившихся студентов: Р. Зевину, Д. Прицкера, Г. Степанова, В. Столбова и многих других — отправили в Испанию на войну с Франко. С этого момента испанская часть личной истории этих людей уже никогда не будет ими

забыта, а сила впечатлений и переживаний будет одних вдохновлять на более глубокое изучение страны и языка, а Р. А., которая много лет спустя все еще пела песни Республики, — на написание таких рассказов как "Баклао", "Два дня в восточных Пиренеях". Да и в других рассказах нет-нет, да и проскользнет упоминание о зное и пыли фронтовых дорог и вине, которое дешевле воды...

После возвращения из Испании Руфь Александровна работала в Наркомате морского флота, затем поступила на работу в ТАСС и была эвакуирована в Ташкент. В Ташкенте, куда было эвакуировано много ленинградцев, она вновь встретилась с бывшим студентом ЛИФЛИ И. Серманом и вышла за него замуж. Там же у них родилась дочь Нина. После окончания войны они вернулись в Ленинград, и их семья пополнилась сыном, которого назвали Марком. Казалось бы, что началось спокойная и мирная семейная жизнь в довольно просторной (по тем временам) профессорской квартире родителей И. Сермана. Однако дорога судьбы Руфи Александровны и ее семьи сделала именно в этот момент один из самых резких поворотов: ее и ее мужа арестовывают и осуждают — Руфь Зевину на 15, а И. Сермана на 25 лет по статье 58.10, "за антисоветскую пропаганду и агитацию". Шел 1949 год, год Ленинградского дела и оголтелой антисемитской кампании против "безродных космополитов". Весной 1949 года Р. Зевина и И. Серман отправлены этапами в разные концы страны. Их дети тоже разделены между дедушками и бабушками в Ленинграде и Одессе.

К теме лагеря так же, как и к Испании, писательница возвращалась постоянно. Как и в Испании, она вновь стала свидетелем человеческой трагедии, но уже не наблюдателем, а невольным участником и жертвой одновременно. Здесь испытаниям подвергаются ее только что устоявшиеся представления о себе, жизни и морали. Единственное, что помогало Р. Зерновой выдержать лишения и испытания, было ее твердое сознание, что

все надо "...запомнить, чтобы знать, рассказать, описать...". И записать, и запомнить особенно ей удалось. Уже два года спустя после освобождения она пишет рассказ "Кузькина мать", где человеческая судьба и нечеловеческие страдания показаны на душераздирающем фоне почти материнской любви и заботы заключенной и обездоленной женщины к еще более беззащитным существам: котенку и лисенку, которые, в свою очередь, наравне с людьми становятся жертвами ГУЛага. В рассказе отсутствует открытая гражданская патетика, но само содержание рассказа — это прямое обвинение в бесчеловечной жестокости, дикости и бездуховности, царившей в советском государстве пятидесятых.

После эмиграции и во время жизни на Западе Р. Зернова начинает писать на темы, которые или были запрещены, или оставались привычными табу в Советском Союзе. Это очерки и эссе о судьбах еврейства, антисемитизме как мировым веянием, возникающем независимо от политического строя, о консерваторах и либералах, еврейской религии, как она ее понимала и переосмысливала уже на Земле Обетованной — т. е. в ее писательской кухне шел процесс осмысления происходящего вокруг: будь то повседневная жизнь лаборантки Орны (в одноименном рассказе) или культурные и политические изменения в новых поколениях русских эмигрантов в Кэтильских горах Америки ("Дачные соседи").

Р. Зернова и И. Серман много путешествовали, профессор Серман читал лекции в различных университетах Европы и Америки, писательница-филолог Зернова всюду его сопровождала, иногда активно участвуя и в университетских программах.

Вообще вся судьба Руфи Зерновой звучит как непрекращающийся путевой роман: Одесса, Ленинград, Мадрид, Барселона, Париж, Одесса, Ташкент, Ленинград, Амурская Средне-Белая и Бокситогорск (лагерь), Ленинград, Иерусалим, Нью-Йорк, Рим и т. д.

Смерть застала ее 15 ноября 2004 года в Иерусалиме, столице Израиля, который возник как государство тридцать лет спустя после ее рождения.

Болезнь ее была трагична: она сразу же лишилась того, что для нее было основой всей ее жизни — речи. И мы можем только догадываться, удалось ли ей сказать то, о чем она писала в своих последних работах: "Только бы успеть..."

